

НАУКИ ОБ ОБЩЕСТВЕ

К 50-летию научного творчества

Интервью

СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ТУПИК ИЛИ НОВЫЙ РЕНЕССАНС?

В 2010 году 50-летний юбилей творческой деятельности отмечает доктор философских наук, профессор, заместитель директора по науке Института социологии Российской академии наук, почетный доктор ИС РАН **Зинаида Тихоновна Голенкова**. Мы поздравляем юбиляра и предлагаем вниманию читателей интервью с профессором Голенковой, взятое доктором культурологии А.П. Давыдовым.

А.Д. Зинаида Тихоновна! Поздравляю Вас с юбилеем и желаю Вам, известному социологу-теоретику, новых творческих успехов.

З.Г. Спасибо.

А.Д. Я хотел бы воспользоваться возможностью профессионального разговора с Вами и задать Вам несколько вопросов по Вашей специальности. Что Вы можете сказать о нынешнем состоянии российской теоретической социологии? Не кажется ли Вам, что теоретическая социология испытывает сегодня нехватку продуктивной методологии анализа российского общества? Если это так, то что это – методологический тупик или новый ренессанс, который еще только предчувствуется, и о нем пока нельзя сказать что-то определенное?

З.Г. Давайте разделим этот вопрос на две части. Сначала о природе тех методологических затруднений, которые испытывают социальные науки и о том, какова динамика мировой теоретической мысли в последнее время. Не разобравшись в этой природе и в этой динамике, мы не сможем понять и тех специфических трудностей, которые испытывает сегодня российская социология в ходе своего развития.

А.Д. Хорошо. Так что же происходит в России и в мире с теоретизированием по поводу смысла социального?

З.Г. Методологические трудности испытывает не только социология, но и все российские общественные науки. После распада СССР и краха марксизма-ленинизма, который в наших науках интерпретировался как единое и единственное научное основание мышления, в социальном теоретизировании образовался методологический вакуум. Распад СССР повлиял не только на

российские социальные науки, но и на зарубежную социологию. Многие социологи заговорили о закате концепции всезнающего гегелевского субъекта, которая начала умирать в годы революций и мировых войн XIX – XX вв. и погибла как абсолют с распадом обществ социалистического типа, переживающих в настоящее время посттравматический синдром и шок (П. Штомпка).

Методологический переворот в теоретизировании по поводу смысла социального проходил постепенно. Он начался в работах К. Маркса, неокантианцев (Г. Риккерт), в феноменологии (Э. Гуссерль), в экзистенциализме (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, А. Камю) и продолжился в постмодернизме (Ж. Деррида). Этот переворот изменил всю парадигму анализа социального. Теоретики, уйдя от диктата нововременной и немецкой классической философии, перестали пытаться проникнуть в некую божественную субстанцию как основание бытия и, следовательно, общества, и начали изучать общество как таковое, как основание самого себя и, следовательно, как основание социального (К. Маркс, П. Сорокин, Т. Парсонс, В. Ядов, марксизм и парсонсизм в современной социологии).

Теория ослабления значимости культурной вертикали в ценностях тоже сыграла свою роль – она выдвинула на передний план социальной теории значимость независимости личности и гражданского общества от всех исторически сложившихся ролей и смыслов как основание и модерна, и постмодерна. Она нацелила социологов на представление об обществе, организованном по принципу пчелиных сот – гражданских организаций, способность которых к самоорганизации и является основанием современного социального (социология гражданских организаций). Другими словами, социальное теоретизирование XIX – XX в. все более отказывалось от представления о том, что модерн является результатом единой Логики, общей для всех развивающихся обществ. Новый взгляд не отменил идеи модерна, но сделал важнейший вывод – единой методологии нет, есть различные методологии и их может быть много, возникло представление о полипарадигмальности в социологии.

Постмодернизм в философии, слившись с синергетическим подходом в теории систем и парсонсианством в социологии, породил прагматику в социологии. У прагматической социологии есть огромные преимущества перед анализом смысла социального в философии. Основанием прагматической социологии стало общество, относительно независимое и от культуры, и от государства. Появились конкретные социологические исследования и количественная методология как научная специализация, независимая и от социальной философии, и от истории общества. Уже в СССР в начале 60-х годов социология завоевала право на самостоятельность и взяла на вооружение достижения западной социологии, которая к этому мо-

менту ушла далеко вперед по сравнению с советской, долгие годы боровшейся с чиновниками за право на существование.

Произошло возрождение российской социологии, которая в конце XIX — начале XX вв. была достаточно развитой в России, была представлена различными парадигмами, как и западная социология. И к чему-то нам удалось вернуться на новом витке исторического развития. Если внимательно посмотреть на книгу «Социология в России» (М., 1998) под редакцией В.А. Ядова, (которая готовилась при весьма активном моем участии), то там в каждой главе просматривается определенная преемственность. В 1960-е гг. советские социологи действительно «активно осваивали методологические и методические достижения западных исследований». Я помню, как исследователи активно занимались переводами в середине 1960-х гг. И даже в ОКСИ (Отдел конкретных социальных исследований) Института философии АН СССР была специальная группа переводчиков. А во время кандидатского экзамена по социологии от аспирантов обязательно требовалось продемонстрировать знание зарубежных источников (например, вопрос дополнительно-уточняющий: «Как называется 7-я глава в книге Огберна?» или «Подробно расскажите о работе У. Томаса и Ф. Знанецкого “Польский крестьянин в Америке и Европе”», — это в привязке к вопросу в билете о личных документах и т.д.)

Конечно, необходим более тщательный исторический анализ, чтобы разобраться с концепцией возрождения.

Но одновременно с возникновением в научной рефлексии человека социального как субъекта общества и объекта социологического исследования появились и методологические трудности социологии. В начале XXI в. обнаружилось, что изучать общество только в границах общества становится все труднее, нужно заглядывать за границы общества. Но куда заглядывать и как это делать — социологи не знают, хотя догадываются. Нужны новые методологии (теории). Сегодня становится все более ясным, что методологические трудности социологии являются продолжением ее успехов, что они являются родимым пятном нашей науки, ее родовой травмой.

А.Д. Вот-вот. Это важно. Я думаю, после Вашего объяснения можно сделать следующий шаг в анализе логики теоретизирования по поводу смысла социального. Это естественно — ведь развитие теоретической мысли происходит через постановку вопросов и выстраивание моделей. А моделирование не только отвечает на поставленные вопросы, но и порождает новые. Оно не только формулирует задачи, но и обнаруживает свою неспособность решить какие-то иные задачи, которые неизбежно возникают за пределами возможностей предлагаемых моделей, создавая новые методологические трудности, подлежащие новому раз решению...

Можем ли мы говорить об ограниченности возможностей тех моделей, в рамках которых до сих пор развивалась социология?

З.Г. Разумеется. Многие социологи говорят сегодня о кризисе: теоретическая социология стала не нужна, она теряет идейные ориентиры и социальные связи, ощущается утрата идеалов. Место науки заняли рынок, СМИ, мастерство политтехнологов (Э. Гидденс, Великобритания)¹, происходит отказ от фундаментальных исследований и дробление наук, особенно социологии, на множество прикладных «специализмов», наука нужна лишь для аранжировки политики, т.е. для того, чтобы бюрократия говорила с обществом на грамотноподобном языке. Известный философ В. Федотова пишет, что «российская социальная наука идет в фарватере западных теорий и не производит ничего нового, оригинального и национально-особенного, в том числе и того, что может заинтересовать Запад»². «Наше время ушло. Это так, — говорит В. Ядов о себе как социологе-теоретике. — Будущее за прагматиками»³. И я, в каком-то смысле, с ним согласна.

Пройдите по коридорам Института социологии РАН и посмотрите на таблички на дверях кабинетов научных подразделений: каких только конкретных социологий вы там не увидите. Это хорошо, это правильно, это вытекает из требований времени, благодаря этой специализации на наш институт есть спрос в обществе. Но одновременно в этих «специализмах» теряется то социальное всеобщее, исходя из которого можно формировать основание теоретической социологии.

Но тогда возникает вопрос — нужна ли нам в современных условиях гранд-теория, на которую можно опереться для того, чтобы говорить о социологии как о фундаментальной науке? В этом основная проблема. Это проблема не только социологии, но и всех российских общественных наук и, возможно, не только российских. И это проблема, в отношении которой у меня нет однозначного решения.

А.Д. *Вы подняли, как мне кажется, фундаментальную проблему общественных наук XXI в. Действительно, прошло ли время больших теорий или они все-таки нужны — так сегодня стоит вопрос. Если нет, то почему, если да, то на каком основании. Постмодернизм по-своему решил эту проблему, но постмодернизация науки, освободив ее от многих обязательств, одновременно лишила ее существенных возможностей. И еще. Мне кажется, что большой теории, настолько большой, чтобы она охватывала опыт и Запада и России, не может быть по определению, потому что качество западного и российского социального не одно и то же. И об этом говорит хотя бы различный уровень развития у них и у нас демократии, самоорганизации общества, значимости смысла личности...*

З.Г. Давайте и этот ваш вопрос разделим и начнем с более частного.

Сказать, что качество социального на Западе и в России различное, не достаточно. Если мы хотим достичь новых методологических рубежей, надо перевести разговор о социальном на уровень культурных оснований социального. Ведь культура шире и древнее общества. Ее биография имеет многотысячелетнюю историю. Родовая культура палеолита-неолита, общая для всех нынешних обществ, имеет историю в несколько сот тысяч лет, тогда как история гражданского общества, личности и на этой основе нового типа общечеловеческих ценностей, разрушающих палео-ценности культуры, начинается в Западной Европе только в Новое время, хотя некоторые элементы общества развивались и в античную эпоху. Современное демократическое общество, родившееся из «Я» личности, не отменяет культуры, родившейся из палеолитическо-неолитического «Мы» древнего человека, так же, как идея культуры (палео-культуры) не отменяет идеи демократического общества в человеке, нацеленном на развитие социального в себе. Эти противоположные смыслы в нашем мышлении взаимопроникают. И в углублении понимания взаимосвязи понятий «культура» и «общество», в переформулировании, в перепределении этой связи как научной проблемы с позиций сегодняшнего дня таится тот методологический ресурс, которого мы все хотим, но пока не можем найти. Поэтому разговор о выходе из методологического тупика я бы начала с определения этой пары понятий.

А.Д. Хорошо. Давайте поговорим о паре понятий «культура / общество» как методологическом основании какого-то нового типа анализа современного общества. Но сначала я хотел бы прояснить иное — Вы сказали «с позиции сегодняшнего дня». Что это за цели сегодняшнего дня?

З.Г. Сегодня и Россия, и все страны мира озабочены повышением своей эффективности, конкурентоспособности на международных рынках, наращиванием потенциала в борьбе за ресурсы развития, увеличением своего творческого потенциала.

Социальное и в национальном, и в глобальном масштабе развивается весьма динамично, возникают новые проблемы, требующие профессионального социологического подхода. Без соответствующего гуманитарного знания решить многие проблемы сегодня просто невозможно. Хочется еще раз напомнить высказывание выдающегося мыслителя XX в. Бертрانا Рассела: «Утратить веру в знание — значит утратить веру в наиважнейшую способность человека». Конец XX в. ознаменовался не только новым прорывом в науке, но и пониманием того, что знание становится все более существенным ресурсом развития общества. Эта тенденция четко заявила о себе в начале XXI столетия, и она будет иметь

решающее влияние как на отдельного человека, так и на цивилизацию в целом. На рынке XXI в. битва будет вестись не столько между товарами и услугами, сколько между знанием и незнанием, способностями и неспособностями. Человечество ожидает беспрецедентная интеллектуальная конкуренция, «война мозгов», суть которой может быть сведена к принципу: знать или исчезнуть.

В условиях глобализации современная концепция общественного развития, безусловно, базируется на таких показателях, как экономический рост, накопление ресурсов и средств. Она в первую очередь ориентирована на глобальный многосторонний процесс. Поэтому и социология должна изучать эти сложные процессы как с точки зрения их значения для цивилизационных изменений в глобальном плане, так и с позиции конкретного общества и потребностей в развитии личности, поскольку развитая личность является основным фактором знания, как ресурса прогресса.

Из смысла конкуренции, обнажающего проблему развития / застоя в решении практических задач модернизирующегося общества, в частности, поворота лицом к культуре, рождается несколько задач для науки:

1) понимание необходимости ясного методологического разделения смыслов понятий «культура» и «общество» и в целях развития академической науки о социальном, и в целях эффективного поиска новых социокультурных синтезов в ходе модернизации культурных оснований социального;

2) понимание целей модернизации не столько как совершенствования систем управления и создания новых технологий, хотя это тоже входит в идею модернизации, но, главным образом, как модернизации культурных оснований общества, ментальности человека, его ценностного мира, его способа переосмысливать добро/зло, повышать свою способность к рефлексии.

Решение этих задач значимо не только для общественных наук, но и для общественной практики. В решении этих задач я вижу и основную теоретическую и основную практическую задачу сегодняшнего дня.

А.Д. Понятно. Теперь, когда Вы прояснили смысл модернизации как модернизации культурных оснований общества, можно перейти к определению смыслов «культуры» и «общества». В чем их сходство и различие?

З.Г. Я определю эти понятия сначала на уровне схемы, чтобы придать ее элементам методологическую значимость. В этой схеме я буду исходить из смысла человека.

Человек двойствен: он несет и консервативное, чтобы сохранить достигнутое, накопленное, и инновационное, чтобы улучшить, расширить, развить то, что было достигнуто, накоплено, но главным

образом, модернизировать свои способности. Он не хочет изменяться, чтобы не нарушить стабильность, порядок, сложившееся благо, и одновременно хочет измениться, чтобы через поиск новизны модернизировать основания своей рефлексии по поводу своей способности к рефлексии, чтобы изменить представление о благе. Консерватизм, статика относятся больше к культуре; инновации, реформаторство, динамика — к обществу. Культура — это культурные основания общества, ценности, ментальность и, следовательно, то основание, которое определяет стиль частной и общественной жизни человека, склад ума, мышления. Поэтому когда мы говорим о модернизации общества, мы в первую очередь говорим не только о новых газопроводах и повышении пенсий, но и о способе общества принимать решения, а это значит, что мы говорим о культурных основаниях социального, о ценностных ориентациях, т.е. о культуре. Культура — объект модернизации, общество — ее субъект. Общество модернизирует культуру и через изменение культурных норм как ее основания, модернизирует свой способ принятия решений. Через модернизацию оснований общество освобождается от исторических мифов и стереотипов, от того палео-наследия, груза, якоря, который не дает ему мыслить рационально и принимать прагматические, т.е. наиболее эффективные решения, проводить реформы. И одновременно через модернизацию культуры общество получает санкцию культуры на свою модернизацию.

Сходство культуры и общества в том, что в обществе могут господствовать устаревшие культурные стереотипы (родовые палео-стереотипы), составляющие основное богатство культуры и блокирующие социальное развитие. Различие в том, что общество, вынужденное решать новые задачи и отвечать на новые вопросы, ответы на которые в культуре не записаны, критикует культуру, отодвигая ее стереотипы на периферию общественного сознания и вырабатывая новые социальные и культурные нормы, адекватные требованиям обострившейся конкуренции культур. Развитие социального происходит как результат трудного диалога между культурой и обществом. Объектом диалога является поиск новой меры (динамика меры) взаимопроникновения смыслов культуры и общества в ходе развития социального.

А.Д. Вы выстроили схему «человек — культура — общество — модернизация культурных оснований». И если я правильно понял, Вы, согласно этой схеме, выставили культуре, по крайней мере, русской культуре «неуд»?

З.Г. Вы хотите меня упрекнуть в отсутствии патриотизма? Напрасно. Мы решаем научную задачу, а не политическую. Если мы хотим модернизации культурных оснований, реформ, то мы должны объяснить, почему эти основания могут сегодня не устраивать

общество, вступившее в эпоху острой международной конкуренции, и в какой мере. Только ответив на этот вопрос, мы сможем ответить на вопрос — почему модернизация в России идет трудно, почти не идет. А объяснение причин пробуксовки модернизации и поиск способов их устранения и есть сегодня самая патриотическая задача.

А.Д. Так почему же Вас не устраивают культурные основания социального, точнее — те унаследованные из прошлого культурные стереотипы, которые господствуют в ментальности россиян? И как Вы объясняете причины пробуксовки модернизации?

З.Г. Чтобы ответить на этот вопрос, я хочу привести неполный список тех культурных стереотипов, которые, оцениваются исследователями как палеолитические, неолитические, догосударственные, раннегосударственные, и рассматриваются ими как основание современной русской культуры. Вот эти рудименты, все еще господствующие в массовом сознании россиян:

- Стереотип «локализма», фрагментарность массового сознания, российский социум не как общество, а как «социум страт».

- Установка на воспроизведение достигнутого уровня синкрезиса (палеосинкрезиса) в сознании, сакрализующая этот уровень и не позволяющая подвергать его дальнейшему дроблению.

- Познавательно-моральный конструкт «должное / сущее», разрывающий социальную связь между идеалом и реальным поведением.

- Эсхатологический комплекс.

- Манихейская составляющая.

- Мироотречная, или гностическая установка.

- Сакрализация статуса власти, ее положения над законом.

- Партиципация, прилепление к господствующему смыслу как спасительному.

- Инверсионная воспроизводственная логика культуры, игнорирование «середины».

- Эмоциональное мышление.

- Мифологичность интерпретации реальности.

- Экстенсивная доминанта в проблемных ситуациях.

- Идея России как империи.

- Милитаризация повседневности.

Эти древние стереотипы — содержание палео-неолитического слоя в современной российской ментальности. Они и есть культурные основания, унаследованные нами из своего прошлого. Это содержание направленно против перемен, реформ, против социальной динамики, развития.

А.Д. Вы поставили перед общественными науками проблему, пожалуй, почти неразрешимую. Общество, проводя реформы, должно бороться против палео-ценностей в своей ментальности, но на меру этой борь-

бы оно должно получать санкцию у культуры, которая является носителем этих ценностей. Не парадокс ли? У меня такое впечатление, что задачу борьбы против засилья палео-стереотипов в общественном сознании вот так обнаженно, во всей ее сложности, противоречивости и актуальности пока никто не ставил. Но если существует проблема борьбы с палео-стереотипами как цель модернизации культурных оснований, то, по-видимому, радикально меняются и задачи социологии как науки об обществе? Разве не возникает задача изучения этих стереотипов методами количественной социологии? Более того, мне даже кажется, что возникает некая общая задача у социологии, которая владеет изощренными технологиями количественного и качественного анализа общества, и культурологии, которая накопила опыт изучения российской ментальности. Не так ли?

З.Г. Российские социологи, осмысливая задачу модернизации культурных оснований, должны подумать над тем, как расширить цель и диапазон своих исследований.

Первое. Если исходить из того, что в западной ментальности есть палео-родовое, но доминирует в ней ценность личности, а в российской ментальности, наоборот, есть ценность личности, но доминирует в ней палео-родовое, кликовое, манихейское, соборное, антиличностное и т.д., то это значит, что российская социология должна иметь цель, не только совпадающую с западной социологией, но и отличную от нее, а также соответствующие этой специфической цели средства. Западная социология может себе позволить не изучать палео-ценности своего общества, потому что они историческим развитием отодвинуты на периферию массового сознания и не актуальны, а российская социология не может себе позволить такой роскоши, потому что эти ценности все еще определяют противоречивый характер российского социального.

Можно сказать и по-другому. Современное западное общество изоморфно западной культуре и «не видит» родовых корней культуры как таковой (палеолитических, неолитических, догосударственных, раннегосударственных), «не видит» их иной, не изоморфной современному демократическому обществу природы. Западная социология, оперируя западным материалом, не видит различий между культурой и обществом и необходимости их разделения в социологическом анализе. Родовая российская культура как исторически сложившийся феномен и зачатки общества в России как продукт пунктирно идущей вестернизации, которой не более трехсот лет, это совершенно не одно и то же. В западной культуре есть то первобытное, варварское, палео-неолитическое, тотемное, которое господствует в русской культуре. Но господствует в западной культуре иное. Эта культура впитала в себя, «окультуривала», сделала доминирующими все достижения своего социально-

го: смыслы частной собственности, права, индивидуальных социальных отношений, личности, гражданского и потребительского общества, равенства возможностей, достижительности, рациональное мышление, желание и умение договариваться, ценности демократии, индивидуализма... В России культура почти не вобрала в себя демократические достижения российского общества, потому что эти начала еще чрезвычайно слабы в самом обществе. И если западный человек сделал мировоззренческий выбор в пользу лично-стно-демократических ценностей, которые господствуют в западном обществе/культуре, то русский человек (в частности, российский социолог) должен разделить, раздробить свое «общество/культуру» на «общество» и «культуру», расчленив этот синкретизм в своем анализе, отделить социальную динамику от культурной статистики, совершив мировоззренческий выбор между ценностями культуры (палео-архаики, соборно-авторитарной традиции) и ценностями модернизации (инновации, общества, личности).

Отсюда мой вывод о недостаточности заимствованных западных социологических технологий для анализа специфики российской реальности.

Второе. Вывод о том, что в российском массовом сознании доминируют палео-стереотипы, кажется надежным, потому что подтверждается многими историческими и социально-философскими исследованиями. Но важнее другой вопрос — в какой мере они доминируют? Чтобы ответить на него, нужны детальные исследования социальной стратификации современного российского общества. Это можно сделать только с помощью количественных методов.

Третье. Постоянный социологический мониторинг динамики меры взаимоотталкивания/взаимопроникновения этих двух составляющих общественной ментальности, — ценности личности и палео-ценностей, — поможет следить за тем, как работают в России факторы, способствующие развитию в ментальности смысла социального и тормозящие его, т.е. как идет в России модернизация массового сознания.

И четвертое. Борьба в массовом сознании палео-ценностей и ценности личности может вести к нарастанию угрозы раскола в обществе, что совершенно не допустимо. Количественное исследование стереотипов ментальности поможет изучать структуру, динамику, глубину угрозы раскола и ту логику, в соответствии с которой надо выстраивать внутрицивилизационный диалог между носителями этих ценностей.

Ответ на вопросы о культурных основаниях социального, ценностях, мере, расколе, диалоге поможет не только двинуть вперед теоретическую социологию, он поможет обществу и государству своевременно принимать правильные политические решения.

А.Д. Поразительно. Неужели у нас в обществе не ведется исследований палео-стереотипов в общественной ментальности? Ведь в нашей социологии есть специалисты, которые занимаются структурой массового сознания, структурой общества...

З.Г. Кое-что делает наш институт, что-то делает ВЦИОМ, есть исследования отдельных авторов, но все это капли в море. Основная трудность в том, что проблема функционирования палео-стереотипов в массовом сознании, как и в сознании элит, в условиях, когда общество ставит задачу развития, не разработана в теоретическом плане. Не стоит она ни в социальной философии, ни в культурологии, ни в общей социологии. Кое-что публикует на эту тему журнал «Мир психологии», но и социальная психология фундаментально этим не занимается. Я уже не говорю о том, что не разработаны соответствующая стратегия и необходимые средства конкретных социологических исследований. В общем, сегодня, в условиях обострившейся конкуренции на мировом рынке культур обнаружилась огромная исследовательская ниша, которую я бы назвала социокультурной. Ее может заполнить только социология культуры, которая должна обратиться к количественному и качественному изучению культурных оснований общества (социального) и создать методологию специфического социокультурного анализа.

А.Д. Как мне кажется, вы поставили не просто фундаментальную задачу академической науки, вы определили важную практическую задачу для нашего общества. Я хочу еще раз обозначить конкретные цели социокультурного анализа. Первое: мониторить динамику межцивилизационного конфликта между палео-стереотипами и ценностью личности в общественном сознании. Второе: изучать структуру и глубину угрозы социокультурного раскола через количественное и качественное изучение структуры ментальности. Третье: осваивать логику общественного диалога; и все это надо ставить на теоретическую основу, которую предстоит разработать. У вас есть какие-то мысли в отношении того, как сделать первые шаги, чтобы создать общую методологию социокультурного анализа?

З.Г. Социолог должен выйти за рамки социологии и двинуться в сторону культурологии. Культуролог должен выйти за рамки культурологии и двинуться в сторону социологии. Две научные дисциплины должны встретиться в смысловом пространстве между представлениями о «культуре» и «обществе». Надо культуру изучать через общество, а общество через культуру. И несколько слов о методологии. Социокультурный анализ начинается как мышление оппозициями, потому что структура культуры дуальна (день — ночь, рождение — смерть, мужчина — женщина, добро — зло, плюс — минус), и затем переходит к тернарному мышлению: через поиск третьего, альтернативного смысла в смысловом про-

странстве между полюсами оппозиции (идея «третьего пути» — Э. Гидденс; в России в начале XX в. — Н. Бердяев, С. Булгаков и др., в последние годы — А. Ахиезер). В «сфере между» рождаются различные логики воспроизводства социального. Там возникают точки нового роста, и одновременно работает механизм застревания, схлопывания, гибели социального субъекта, не сумевшего своевременно обновить свои культурные основания. Такова общая схема, которая отражает общемировую логику развития социального. Она требует конкретизации.

Кроме того. В начале интервью Вы спрашивали о большой теории. Такой теории нет, но она, по-видимому, нужна, хотя и не в классическом виде. Она может выглядеть не как очередной «-изм», а как набор некоторых принципов, основным признаком которых является оставление субъекту свободы в *ценностном выборе* в зависимости не столько от целей, которые он перед собой ставит, сколько от той *специфики*, которую он несет в своей ментальности. Видите, мы опять выходим на ментальность — на ту смысловую сферу, которая, как мне кажется, социологической мыслью до сих пор недооценивалась. Отсюда вывод: социокультурный анализ, понятый как методология и теория социальной динамики, может внести свой вклад в формирование «большого» социального теоретизирования.

И еще. Вы спрашивали меня о возможностях нового ренессанса в российской теоретической социологии. Я не думаю, что социокультурный анализ, даже если ученые признают его значимость и начнут разрабатывать его методологию, решит все проблемы теоретической социологии. Но, несомненно, он существенно расширит предмет социологии и предоставит социологическому теоретизированию дополнительные методологические ресурсы, а конкретной социологии — новое обширное поле для практической работы.

И последнее. О поиске синтеза смыслов культуры и общества впервые заговорили в начале XX в. русские религиозные философы — Н. Бердяев, С. Булгаков, Н. Лосский, журнал «Вехи» и др. Первые шаги в определении элементов социокультурного анализа как структуры этого синтеза сделали М. Бахтин (теория диалога), Ю. Лотман (концепция тернарного мышления), М. Мамардашвили (поиск новой меры старых смыслов), А. Ахиезер (теория модальностей, теория медиации), С. Кирдина (концепция специфики культуры России). Но российская теоретическая социология до сих пор стояла в стороне от этих поисков. Для социологов работа в определенном смысле только начинается. Сегодня центр исследований сдвинулся за рубеж: активно разрабатывают основы социокультурного анализа американские экономисты (К. Поланьи,

Д. Норт — теория институциональных матриц) и английские социологи (Э. Гидденс — теория третьего пути). Российские ученые не должны отдавать первенства в области, которую они начали осваивать задолго до западных специалистов.

При этом не следует забывать и о том, что если астрономические открытия ничуть не влияют на движение планет, то исследования и концепции социальных ученых включены в саму практику социальных изменений (П. Штомпка).

А.Д. Зинаида Тихоновна, мне кажется, что направление, которое Вы представили, может открыть большое будущее для российских общественных наук и нашего общества. Даглас Норт — нобелевский лауреат по экономике в 1990 г. — высказал мысль о наличии так называемых институциональных матриц. Александр Ахиезер начал свою работу в 1970-е годы, предвосхитив мысль Норта. И если бы власти не застопорили его исследования, а его работы были своевременно переведены на английский язык, то нобелевскому лауреату пришлось бы отсылать своих читателей к Ахиезеру — так пишет В. Ядов о роли своего друга в создании теории социокультурного анализа⁴. Вы правы — нельзя отдавать Западу первенство в том, что всегда было российским приоритетом.

Большое спасибо за интервью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Guardian. 26.10.2006.

² Федотова В. Российская социальная наука и социальная практика // В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера / Сост.: А. Давыдов. — М., 2009. — С. 143.

³ Vivat, Ядов! — М., 2009. — С. 55.

⁴ Ядов В. Александр Ахиезер — скромный мыслитель // В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера. — С. 129 — 130.

Аннотация

В интервью З.Т. Голенковой излагаются перспективы развития отечественной социологии. Намечаются пути уточнения предмета социологии, синтеза социологии и культурологии в специфическом социокультурном анализе российского общества.

Ключевые слова:

Россия, отечественная социология, развитие, XX век, культурология, социокультурный анализ, Голенкова.

Summary

The interview of Z. Golenkova describes prospects of development of the Russian sociology. The ways of concretisation of the subject of sociology, synthesis of sociology and culturology in a specific social and cultural analysis of the Russian Society.

Keywords:

Russia, Russian sociology, development, culturology, social and cultural analysis, Z. Golenkova.